Книга стихотворений Армана Комарова содержит в себе наиважнейшие качества, свойства и признаки поэзии: новизну, открытия духовного характера и свой индивидуально-авторский язык, не исключающий эксперимент, игру-в-серьёз, — всё это порождает свежую просодию и делает ощутимыми главные категории поэтического текста: энигматичность, экспериментальность и эвристичность.

Юрий Казарин
поэт, лингвист, доктор филологических наук,
зав. отделом поэзии журнала «Урал»

Путь Армана Комарова — сквозь «воздух в котором растворена поэзия», сквозь расцветающую в этом воздухе (за)речь упорно проявлять лаконичное стихоречение.

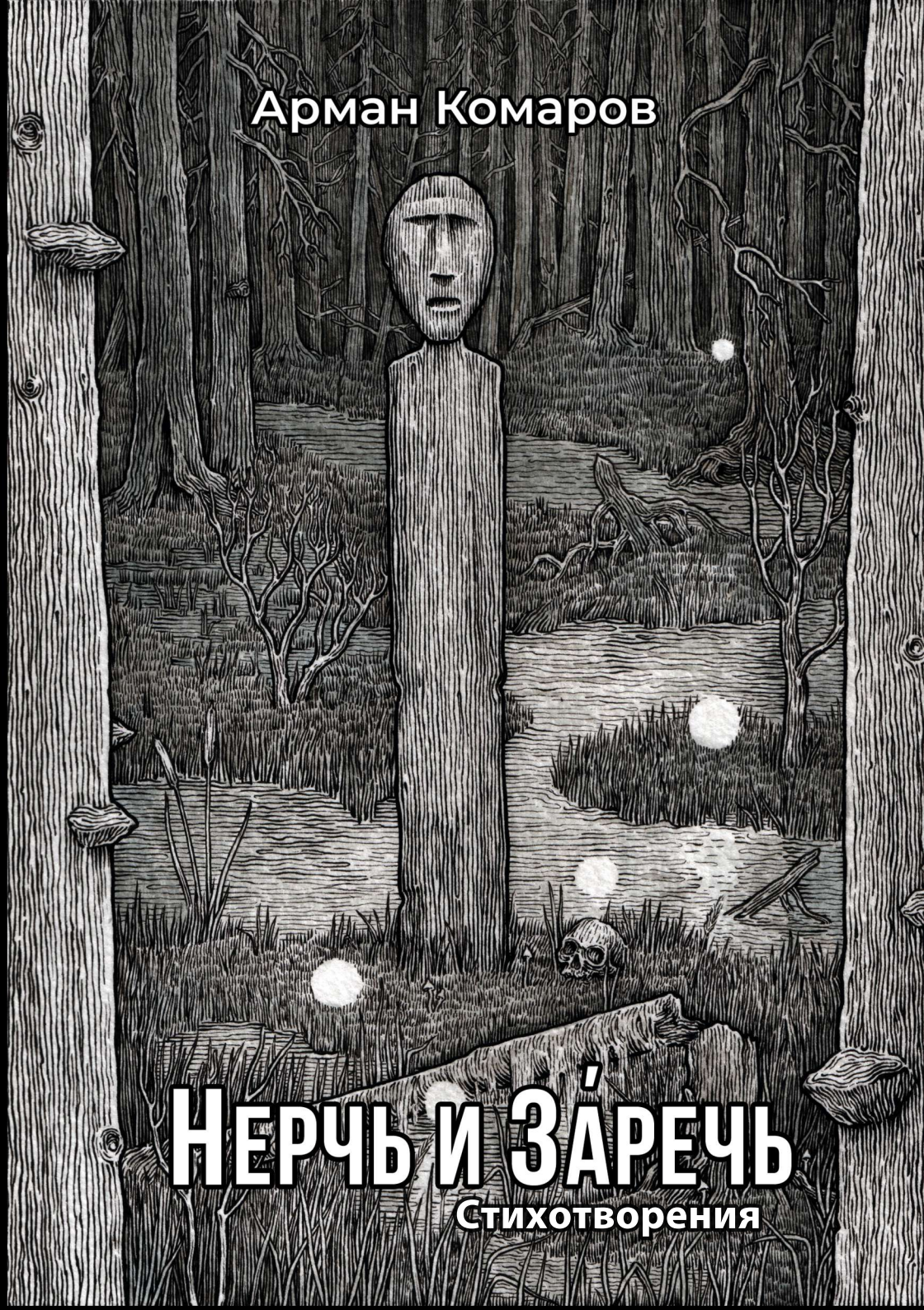
Наталья Иванова
литературный критик, доктор филологических наук,
первый заместитель гл. редактора журнала «Знамя»

Эти стихи я бы назвал стихами посмертными: лирический герой находится словно внутри смерти...

Александр Марков
литературовед, профессор РГГУ, доктор филологических наук,
кандидат философских наук

Эта книга — единое поэтическое высказывание, естественное и необходимое, как минерал. Это будто продукт глубинного геолого-семантического процесса, важный и обязательный сегодня химический элемент.

Василий Нацентов
поэт и прозаик, член союза писателей Москвы



Арман Комаров

Нерчь и за́речь

Москва

ЛитГОСТ

2022

УДК 821.161.1
ББК 84
К 63

К 63 **Комаров Арман**
Нерчь и за́речь / Арман Комаров. Стихотворения. — М.: ЛитГОСТ, 2022. — 48 с.

ISBN 978-5-600-03433-4

Перед вами дебютная книга сибирского поэта Армана Комарова. Область его поэтических поисков лежит на границе между своим-живым и Живым неживого. Оптика автора то и дело пересекает эту границу, то погружаясь в вихри инобытия, то возвращаясь в поле привычного нам мира. Это опыт обращения речи в не-речь и за-речь, блуждание между нерчью и за́речью. Поиск нового языка, нового сердца, новой религиозности.

ISBN 978-5-600-03433-4

© Комаров А., 2022
© ЛитГОСТ, макет, 2022

Во тьме первоназваний

Тончайше чувствующий органику и пластику языка, Арман Комаров в своих собранных в эту книгу стихах идёт прежде всего от звука, от его гуда и гула, чуток к его смыслоносному, смыслопорождающему потенциалу. Он не просто внимателен к самой звуковой материи речи, к её самоценности и пластичности,— он работает с ней активно и дерзко. Разбирает, расщепляет, расшатывает бывшее прежде цельным (*«гу… / б-бы»*, *«Д-душа»*, *«крича — ча-ча-ть»*), растрёпывает сплетающие её волокна.

Он возвращает речь в состояние первородного хаоса, к первобормотанию, выводит на поверхность и впускает в себя глубинные речеобразующие, речеразрушающие силы. Как бы не от своего имени действует — шаманствует:

> Заучить пустоту
> Свою ли? Его ли? Ту?
> От боли найти бы гу…
> Б-бы — гул:
> Агу-агу, Богу, багу-
> Льника лик
> Льнул, но сник.

С другой стороны, он сращивает, поверх традиционных барьеров грамматики и синтаксиса, части речи, существовавшие прежде раздельно и не ведая друг о друге (*«любоввэтом»*), извлекает из неё и старается осуществить едва намеченные возможности. Он создаёт новые слова, иногда переставляя в них элементы, выводя их таким образом из смысловых инерций. Иногда эти новые слова очень органичные, как будто они были всегда, только не показывались: *«кобыльё», «снит», «навечный», «кругопад», «снеговерть», «чуждется»*,— а то и тёмные, как в начале творения (*«запятнок»*, который *«не людь»*), о которых ещё неизвестно, что они такое. Иногда он впадает почти в глоссолалию — однако не хаотичную, с упругой осязаемой структу-

рой, терпко-чувственную,— даже расщепляя форму, он не теряет её чувства:

С частью делить рдожь
Счастье не быть зде
Где терепит дождь.
бвыть где цветем ты
Разночить череду кри
Чарыла мычать ды
Вогори-иговор-огвори.

У Комарова обширный собственный словарь, что легко заметить уже по этой, первой небольшой книжечке. Да, он постоянно экспериментирует с языком — однако его эксперименты не выглядят насилием. Скорее, усилием увидеть язык свежим взглядом, пережить его как первособытие — что, казалось бы, в нашей старой усталой культуре почти невозможно. Оказывается, возможно.

Социальную историю он, кажется, едва замечает (замечает, но она совсем на периферии его зрения, притом история в основном давняя и дальняя: *«бег зулусских пят»*, *«британской пыли выи»*). Куда ближе исторического — сливающегося с мифологическим — времени ему всевременное пространство (*«В Ладогу впасть…»*), природа, стихийные силы, причём язык для него — одна из этих стихийных сил, да и сама история в той мере, в какой о ней вообще заходит разговор,— одна из них. Его явно влечёт мирочувствие традиционных, доиндивидуалистических обществ. Тех, которые ещё до начала истории. Которым начало ещё предстоит.

Вся книга, кажется, пронизана страстным чувством начала.

Комаров говорит от первого лица, но это «я» — не столько лирическое, сколько мифологическое (вернее — лирико-мифологическое). От этого первого лица он говорит надличным, «всехним» голосом мифа и фольклора. Мифу его стихи очень родственны — в том отношении, что всё сущее для него живое: с Москвой, землёй, но фольклору, его образам, ритмам; народной магии — ещё роднее, некоторые тексты звучат как заговоры:

И туманом льюсь по росе лица —
Ну давай давай, смерть рассеется!
Обрети черты, ты же плоть моя,
Но не я. Нет не я. Не я.

(Кстати, отталкивание от «я» ещё повторится: *«вскочу на пегий звон азийского коня / где я где я где нет меня»*; *«про меня забудь»*. Индивидуалистическое сознание жаждет быть преодолённым.)

Долитературные истоки литературы — один из явных формирующих образцов поэзии Комарова, наряду с очевидными Хлебниковым и Цветаевой, которая и прямо называется тут по имени, но большею частью присутствует ритмами и интонациями — воспроизводимыми очень точно, до некоторой зависимости от первоисточника: *«Замолчать — молчу, / Не теперь в слова. / Кругопад — лечу, / Снеговерть — нова»*. (Отчётливо слышен здесь и Мандельштам: *«За цветаевский дым, за кремлёвские рвы, / За жизнь без огня и судьбу степняка»*.) Прямо по имени окликается и ещё один их современник, Гумилёв.

Ближайшие его поэтические родственники и наставники — в первой, демиургической, будетлянской половине XX века; он как будто прямо продолжает поэтическую работу того времени, минуя средний и поздний XX век да, кажется, и времена более поздние. Комаров в этом совсем не одинок (но довольно радикален: отсылок к более поздним поэтам у него нет). Такое родство и намеренное наследничество видится мне характерным для людей его поколения, родившихся во второй половине девяностых. Поэты этого поколения — разумеется, не все, пишут какую-то альтернативную литературную историю, сращивают разрывы, заживляют раны. Более того: они теперь, век спустя, дорабатывают и ведут дальше большую работу русского модерна, которую он по причинам внелитературного свойства не смог довести до конца. И в значительной своей части это — работа с доличностными стихиями мифа и фольклора, приручение их, диких, выявление и использование их литературопорождающего потенциала.

Миф — страшен, глобален, фольклор же — при неизменном чувстве чудесности мира — в конечном счёте домашний, человекосоразмерный, и это Комарову ближе. Сам же человек, в свою очередь, соразмерен в его стихах целому миру и общается с этим миром на равных, и как субъект, и как одна из стихий, и чувствует сильный соблазн со стихиями слиться,— этот мотив — из настойчиво повторяющихся: *«Ветром стать или стать ручьём, / В Ладогу впасть по полям нестись <…> Быть лебедой, да водой со льдом»; «Со дна поднимать вои вязкие, / Увязать в корнях, да у деревца / Согласные пережевывать»* («К кольчецам спущусь и к усоногим»,— тут же отзывается старший

поэт в интонациях, свободных от фольклорных соблазнов); *«давай туда туда где молод звук / во тьме первоназваний / так поддаются буквы разуму / что нет ни я ни ты / есть мы / мычащие Богу / себя вне себя / в небо»*.

Эта тяга к слиянию с дочеловеческим может показаться (да отчасти и является) самоумалением, самоуничижением. Но источником она имеет, по всей вероятности, волю к ещё большей — к надличностной, надчеловеческой крупности.

Человек у Комарова рвётся за пределы самого себя. С одной стороны, он «вызревает в века», наполняет собой сосуд памяти земли, льётся туманом «по росе лица»; с другой — гладит «сусальную гриву Москвы» и согревает землю «поцелуем в росу»; он разговаривает — на нечеловеческом уже языке — с самой «не-жизнью», лежащей в степи.

Легко заметить, что речь, её производные, её окраины и прибрежные пространства, её изнанки и противоположности (молчание, асемантическое бормотание, *«лепет птичий»*, заглавные *«нерчь и за́речь»)*, её возможности и невозможности («немая муть и выть») составляют сквозную, постоянно возвращающуюся тему книги,— настолько, что её впору принять за основную (читатель, не торопись); что поэт заворожён языком, говорением, звуками. Но не потому ли он ими и заворожён, не затем ли возвращается так настойчиво к этой теме и не потому ли особенно влекут его иноречевые состояния, те самые *«нерчь и за́речь»*,— что он пытается и надеется пробиться сквозь речь, с её помощью — к исходной *«тьме первоназваний»*, а оттуда уже — к доречевым, таинственным основаниям жизни?

Ольга Балла-Гертман

Трепет речи

* * *

За тридевять далей манит меня луна,
Вынимая из памяти имена,
В черные пряди мои серебро вплетая,
Как печаль в мою грудь — в небеса влитая.

Странный зов во снах холодит мне плечи —
Трепет невнятной, полузабытой речи.

Прощание

Ой, луна над тобой источает золото,
Позади, мой князь, — Полота.
У Москвы и Вильнюса зубы точены
На тебя, любовь-новгородщина.
Ой, зачем мой милый на сечь отправился?
Вижу небо седое в багровых завесях,
Засмеялись в лесах совушки —
Ой, ворог напьется любимой кровушки.

* * *

И память теперь нема.
Ни лица у меня,
Ни имени —
Все злые метели
Вымели,

Это не смерть — з и м а.

* * *

И иже в путех шествующим исправи и поспеши
Православная молитва

Избави ее от стенаний теней,
Что слышит она во сне.
Из белой яви сибирских степей
Веди его волей Твоей

По слову, по звуку…
…стуками сутками — к ней.

* * *

Усни зимой и не проснись.
Придут ветра за нами,
И в лед Онеги весь и высь
упрутся громкими ногами.

Костров не видно — разбрелись…
Мы снимся Богу с нашими богами.

* * *

человек говорит люблю
человек говорит убью
человек говорит говорит

лучше бы молчал

* * *

Отравлен хлеб и воздух выпит
Осип Мандельштам

Жизнь коротка, длинна дорога…
Михаил Рантович

Отравлен ветер, зла поземка,
И лес бежит от городов,
И неба мутная клеенка
Не дарит мне ни снов, ни слов.

О, как уйти от смерти к лесу?
И видеть сны, писать слова,
Чтоб, выше кедров, муть-завесу
Пробила Бога голова.

* * *

Хляби болотной сколько еще в пути?
Сколько тревогам кипеть в груди?
Слышу в тумане шипит ивняк:
Что не знамение — обиняк.
Это я, это я бегу от тебя, Весна.
Мне хламида твоя из черной травы тесна.
В руках твоих засвистела любовная плеть —
Гиблое дело, даже немому придется спеть.

* * *

К.

Вот ночью темноокой
Я выхожу из дома
И жду ветров с востока
Под вызревшей луной.
За черною весной
Уводит в лес дорога,
Она мне незнакома —
Там встреча ждет с тобой.

И на воздетые ресницы
Слетает пыль созвездий,
И хочется молиться,
И выстенать строку.
В серебряном логу
Я вижу злые лица.
Несет дурные вести
Кукушка на суку.

* * *

Дай поглажу сусальную гриву Москвы
За цветаевский дым, за кремлевские рвы,
За жизнь без огня и судьбу степняка,
Я умер. Живу. Вызреваю в века.
Дай землю согреть поцелуем в росу,
Вытечь строкой и наполнить сосуд
Её памяти. Тихую речь
Уберечь, уберечь, уберечь.

Успеть сказать

* * *

За травой — трава. Бедный город мой,
Гомон трав услышь! Быть тебе — травой.
Будет ночь бродить, будет зверь глядеть.
Как успеть сказать, до травы успеть?
Будто вот он — я, да о двух ногах.
Будто вот он — Бог — свет-любовь впотьмах.
Будто мы не тут, будто мы — вовне.
Будто раз — и всё. Я-не-я в траве.

* * *

1.
Оледенелая луна лоснится серебром,
И я бреду, уставший, с топором
Из снега в снег,
Из леса в лес, да в лес…
Я — человек; как жаль, что человек —
И печь не протопить
плетением словес.

2.
Здесь боль одна течет как три,
И ночь не переждать — она внутри.

Не сплю — готов теням внимать,
Туман — отец, и тьма мне — мать.

Зима — сестра, и холод — брат,
Я солнцу гаснущему рад,

Холодной птице в кулаке
И девочке, уснувшей на реке.

* * *

Скоро так, чтоб не думалось ни о чем…
Ветром стать или стать ручьем,
В Ладогу впасть по полям нестись.
Коли увидишь меня — окстись.
За душу брать тишиной в три до,
Быть лебедой, да водой со льдом.
И когда на небе смыкается млечная клеть,
Не сказать об этом тебе — пропеть.

* * *

хочу запоминать что-то настоящее
не стихотворение в котором заключен воздух
но воздух в котором растворена поэзия

* * *

Ковылем ли льнуть к топоту копыт,
Кобыльем ли резвым топтать траву?
Вижу я: не-жизнь во степи лежит.
Речью ветра ее зову, зову
И ложусь росой на лицо, лицо:
У лица нет черт — только долгий сон;
И туманом льюсь по росе лица.
Ну давай, давай, смерть рассеется!
Обрети черты, ты же плоть моя,
Но не я. Нет, не я. Не я.

* * *

Чуть-чуть еще — говорить научусь,
Азбуку проглочу, буквами поплыву,
Буквами поплыву по Москве-реке,
Именем нарекусь безымянным.

Буду звуки пить, в душу впитывать,
Со дна поднимать вои вязкие,
Увязать в корнях да у деревца,
Согласные пережевывать.

За птицей дальней потянусь лучом,
Голосок истончу птичьей песенкой,
У неба синего молчание выпрошу,
Вымолчу стихотворение.

* * *

К.

теперь не помни
гомон жуть российских городов
где так знакомо все и страшно
где ты смиряешься со всем
помимо смерти
пусть сон твой будет тих
пока стихами утихает память
живой не может боли причинить
и мертвые в тебе молчат

* * *

П. С.

схимник сирый теперь я
в сонном лесу междометий
деревья деревья деревья
ветви согласные клети

глазу зеркальному рек
речь чужаков невнятна
был человек — человек
ныне не людь — запятнок

есть только звук незвучный
звонкая рябь знамений
волок небес излучный
солнце стихотворений

есть разговор Его лишь
ясности миг навечный
коль заневолишь — дрогнешь
и запоешь не-речью

Золото нречи

* * *

Перетечь слезой в мокрый снег дорог,
Город-ад широк, но над нами Бо…
Замолчать — молчу,
Не теперь в слова.
Кругопад — лечу,
Снеговерть — нова.

Любовэтом сне — явь иная снит…
Там песок воды — не в реке шумит.

* * *

Заучить пустоту
Свою ли? Его ли? Ту?
От боли найти бы гу…
Б-бы — гул:
Агу-агу, Богу, багу-
Льника лик
Льнул, но сник.
Был ли крик? —
Звон в ушах…
Ты? Д-душа?

* * *

Зачадило чутье — чур чур,
То ли мир, то ли мертв
То ли избыток чу…
Чудится-чуждется-доч у
Бельмоокая чудь
Пьен тополиный мед
Пья и не хмель ничуть
Горечи честной чан
С частью делить рдожь
Счастье не быть зде
Где терепит дождь.
бвыть где цветем ты
Разночить череду кри
Чарыла мычать ды
Вогори-иговор-огвори.

* * *

Золотая удаль —
чудь поменял на чудо
Трамвая чугунного:
Чу — чу — чу — чу — чуууух…
Обласкан слух —
Уууx!
Топтуны чечетку зачастят,
Услышу Гумилевский гул —
Ча — а — а — а — ад,
Жифары головы склонят,
Увижу дыры ноздревые,
В них бег зулусских пят
И пусть молчат британской пыли выи!

Участию учась, на все лады,
Крича — ча-ча-ть плохую букву

ДЫ!

Ханаанские воды

* * *

К.

давай туда туда где молод звук
во тьме первоназваний
так поддаются буквы разуму
что нет ни я ни ты
есть мы
мычащие Богу
себя вне себя
в небо

* * *

горит и плавится железная вода
и в слепоте ее не вещей
но вещественной тревоги
живые в вечность тянут ноги
не помнят аз и буки веки роки
но молятся и молятся когда
ползут и падают в мычащие морщины
и нёбный звон их заставляет говорить
жевать слова бубнить зачины
и пить и пить немую муть и выть
и вынуть вытянуть из горла
кипящий шорох ив и ва
чтоб новой жути тетива
на песни старые намёрла

* * *

когда из сонной лебеды я выползу в себя
в котором не беды бедовой не вражды
и буквы семенят
где край болота не овраг не сонная межа
к себе к себе другому в новый отзвук убежать
где голос оседлает жгучие ветра
живую плоть не сны в которых маета
вскочу на пегий звон азийского коня
где я где я где нет меня

* * *

вот по реке плывет *пророков* кит
и ивы натянули тетиву
и все как в первый день молчит
и как в шестой из камня человечество зовут
вскипают воды ханаана
готовясь к речи обращаясь в речь
в живое слово слишком рано
в иное море перетечь

* * *

не шумит не придуманный лес
лишенный ветвей и без
травы и ручьев под ними
всё тени — без дна
всё звуки — без имени
только молча жуется вода
в глубине не зелёного рта
чтобы воду на слово —
выменять

* * *

1.
петли лепета птичьего
омуты небылиц
сколько обличий я
выведал
в далях ли долах ли
молоха выдрязгах
плясках жниц

слезу обернул в оперенье птиц.

2.
грай горемычный в лес
уношу в голове
в какой вязкий омут влез
что теперь не све-
тел путь
и по телу лез-
вий листвы гурьба
закипает не кровь-вода
а беда-сурьма

3.
живый в помощи вышняго
разыщи живых
грех греха омой
отведи от них

вложи искру в грудь
про меня забудь

* * *

К.

видишь сгущения ила
камешки корешки
отойди от реки завыла
боль бережет грешки
многажды продышись
выпроси сон у мха
слышишь смеется жизнь
и наша беда легка

* * *

и облако течет по мути и по жиже
горячих луж июльской глубины
лесной угодник набело распишет
чужую речь чужие сны
я быть немым боюсь и падать
в земную пусть и не мою печаль
и я боюсь не быть от взгляда ть-
мы несуществующим молчать
пока есть речь пока она покатый
недобрый полог смерти ледяной
я буду петь и говорить пока ты
со вдовьим нет не свыкнешься со мной
ну а сейчас луна горда перед восходом
так любит нас так раны бередит
звенит и слезы превращает в воды
годов где Пушкин не убит

За подготовку книги к изданию автор благодарит Екатерину Ермакову, Павла Сидельникова и Анну Нуждину.

Арман Комаров — сибирский поэт. Родился в 1999 году в Омске. В 2016-2019 годах — семинарист лито «ПарОм» (при Омском отделении Союза российских писателей). В 2021 и 2022 годах — семинарист студии издательства «СТиХИ» (семинары Ю. В Казарина и В. А. Куллэ). С 2021 года — постоянный семинарист журнала «Знамя» в рамках школы писательского мастерства и форума молодых писателей Фонда СЭИП.

Публиковался в журналах «Новая Юность» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Русский пионер» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово) и др., в электронных журналах «Формаслов», «Дактиль» (Казахстан), на порталах «Полутона», «Prosōdia», «45-я параллель», «Сетевая словесность» и др.

С 2020 года живет в Москве.

Содержание:

Во тьме первоназваний.
Предисловие Ольги Балла 3

Трепет речи

«За тридевять далей манит меня луна…» 9
Прощание 10
«И память теперь нема…» 11
«Избави ее от стенаний теней…» 12
«Усни зимой и не проснись…» 13
«человек говорит люблю…» 14
«Отравлен ветер, зла поземка…» 15
«Хляби болотной сколько еще в пути…» 16
«Вот ночью темноокой…» 17
«Дай поглажу сусальную гриву Москвы…» 18

Успеть сказать

«За травой — трава. Бедный город мой…» 21
«оледенелая луна лоснится серебром…» 22
«Скоро так, чтоб не думалось ни о чем…» 23
«хочу запоминать что-то настоящее…» 24
«Ковылем ли льнуть к топоту копыт…» 25
«Чуть-чуть еще — говорить научусь…» 26
«теперь не помни…» 27
«схимник сирый теперь я…» 28

Золото нречи

«Перетечь слезой в мокрый снег дорог…» 31
«Заучить пустоту…» 32
«Зачадило чутье —чур чур…» 33
«Золотая удаль…» 34

Ханаанские воды

«давай туда туда где молод звук…» 37
«горит и плавится железная вода…» 38
«когда из сонной лебеды я выползу в себя…» 39
«вот по реке плывет *пророков* кит…» 40
«Не шумит не придуманный лес…» 41
«петли лепета птичьего…» 42
«видишь сгущения ила…» 43
«и облако течет по мути и по жиже…» 44

Литературно-художественное издание

Арман Комаров

НЕРЧЬ И ЗА́РЕЧЬ

стихотворения

Технический редактор *Владимир Коркунов*
Корректор *Лана Ленкова*

Бумага офсетная
Гарнитуры PTSans, Montserrat
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 22.09.2022

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com